

Михаил Малихин

- АЛЕКСЕЙ, за последние годы в России вы поставили в общей сложности шесть балетов — три в Москве и три в Петербурге. Если не ошибаюсь, в ближайшее время вы планируете поставить еще по одному спектаклю для этих городов?

— Такие планы есть, но пока они не материализовались, я бы не хотел говорить о них. Могу лишь сказать, что это будут большие одноактные балеты — я работаю пока в такой форме, и она мне удобна. В качестве музыкального материала возьму, наверное, Бернштейна и Сибелиуса.

— В Большой театр вы пришли благодаря Нине Ананишвили. Кто предложил ставить в Петербурге?

— Позвонил Валерий Гергиев. Он сказал, что я могу поставить в Мариинском театре все, что захочу, было лишь одно пожелание: музыка должна быть такой, чтобы Гергиев сам мог дирижировать. Не нужно, наверное, говорить, какой честью для меня было это предложение. Когда же я сказал, что хочу поставить на музыку Стравинского и Скрябина, мое предложение было принято. Произведение Ханнина Гергиев прослушал позже в записи — оно ему тоже понравилось.

— Кстати, как родилась идея использовать музыку Юрия Ханнина, вы были знакомы с этим петербургским композитором раньше?

— В 88-м году я услышал его музыку к фильму Сокурова «Дни затмения» и она мне очень понравилась. Позже друзья отыскали домашний телефон Ханнина. Я позво-

В Москве еще не успели позабыть недавние премьеры петербургских постановок Алексея Ратманского «Поцелуй феи», «Поэма экстаза» и «Средний дуэт», как его прежние постановки снова заставили о себе говорить — балет «Сны о Японии», поставленный в прошлом сезоне в Большом театре, получил национальную театральную премию «Золотая маска» как лучший балетный спектакль.

Алексей Ратманский родился в 1968 г. в Ленинграде. В 10 лет поступил в Московское хореографическое училище, где занимался танцем в классе Петра Пестова. По окончании МАХУ Алексей, не имеющий московской прописки, вынужден был отказаться от идеи остаться работать в российской столице и уехал в Киев, где с 1986 г. танцевал в Государственном театре оперы и балета им. Т.Г. Шевченко. В 1993 г. получил Гран-при и премию Нижинского на Международном конкурсе им. Дягилева. В том же году он уехал в Канаду, где три года был ведущим танцовщиком Виннипегского королевского балета. Для Нины Ананишвили Ратманский поставил балеты «Прелести маньеризма» и «Сны о Японии». Кроме этих двух балетов, в Большом театре была показана его постановка «Каприччо». Но, успешно реализуя себя в качестве хореографа, Алексей не переставал танцевать. Ратманский уже третий год является солистом Датского королевского балета.

— Последние годы вы танцуете в Дании. В чем, по-вашему, отличается подход к работе там от здешних требований и порядков?

— Там подход к работе, как... к работе. Закончилось рабочее время — спасибо, до свидания. В сезон танцуют, в отпуск — отдыхают. У нас гораздо больше людей, одержимых балетом, которые работают без выходных, без отпусков, иногда без зарплат. А там не перетружаются. С другой стороны, огромное количество новых постановок дает возможность датчанам в отличие от наших актеров раскрыться максимально. Что же касается солистов — они себе не принадлежат. У нас в любой труппе солисты могут делать все, что хотят. Они выбирают себе роли, могут позволить планировать личные гастроли. Такая свобода в какой-то степени очень удобна и хороша. Когда ее вкусил, трудно после это-

вспоминать. Все ведь знали, что я что-то сочиняю, но если бы кто-то обратил на это внимание, мне кажется, я бы «созрел» гораздо раньше.

— До контракта с Датским Королевским балетом вы работали в Киевском театре оперы и балета?

— Да, но последние годы мы с Татьяной (моей супругой) в Киеве практически только числились, а работали в основном в Москве. Дело в том, что, приехав на Украину после нескольких лет работы в Канаде, мы не смогли вписаться в сложившуюся к тому времени обстановку по многим параметрам. Говорят же: нельзя войти в один и тот же поток дважды. После Канады мы стали танцевать по-другому, да и вкусы у нас изменились. К тому времени нас не устраивали состояние спектаклей и положение, в которое нас поставили. Мы вернулись с лучшими намерениями

МЕЖДУ КОПЕНГАГЕНОМ И МОСКВОЙ

Независимая газ.
1999. — 8 апр. — с. 7

Алексей Ратманский ставит балеты в России, а танцует в Дании

Алексей Ратманский (справа) с женой в беседе с солистом Мариинского театра Вячеславом Самодуровым. Фото Михаила Логвинова

нил, мы познакомились, и он согласился, чтобы под его музыку танцевали в балете. Хотя Ханнин находится сейчас во внутреннем «подполье» и не поощряет какие-либо публичные акции, связанные с его именем.

— Директор балета Мариинского театра Махар Вазиев как-то упоминал, что для перестройки труппы для работы над современным балетом необходимы месяцы. Трудно ли было «перестраивать» классических танцовщиков Мариинки для вашей постановки?

— Они все большие профессионалы — это помогало. Конечно, одни танцовщики имеют больше способностей к современной пластике, другие — меньше. Такие, как Вячеслав Самодуров, ловили все на лету, другие приходили к результатам спустя время, через более утонченную работу.

В Москве «Поэму экстаза» они танцевали лучше, чем на премьере — я счастлив, что и без меня спектакль живет и развивается — это очень важно.

— Сочиняя «Поцелуй феи», Стравинский компилировал темы Чайковского. В вашей постановке также угадывается стиль различных классических балетных спектаклей.

— Если вы имеете в виду финал, там просто по сюжету главной героиней попадает в страну искусства — страну вне времени и пространства — и начинаешь творить. Поскольку мы — люди балетные, то и творил он по-балетному. Там есть цитаты из «Лебединого», «Шопенианы» и «Аполлона» — но это чисто сюжетный ход.

— Как вы относитесь к тому, что вашу хореографию сравнивают с Баланчиным? Где вам удалось практически познакомиться с его балетами?

— Приехав в Канаду, я приблизительно представлял себе, как двигаться в хореографии Баланчина, так как танцевал в Киеве «незаконно» «Аполлона» и «Тарантеллу». Что стало для меня настоящим откровением — это Баланчинские классы, которые научили меня по-новому распределять свое тело в пространстве и использовать другие мышцы. Очень мудро поступает Мариинский театр, каждый год ставя Баланчина — его надо перетанцевать всего, освоить эту школу.

Что до сравнений в прессе, то я уже имел честь быть похожим не только на Баланчина, но и на Килиана, Форсайта, Ноймайера и даже Брониславу Нижинскую. Мне кажется, наши критики не упускают возможности перечислить всех известных им западных хореографов.

го заковывать себя в систему западного театра.

— Вы хотите сказать, что тут — диктат прим и премьеров, а там — диктат хореографов?

— Да. Но в случае Датского балета — не хореографа, а администрации, потому что там нет своего постоянного хореографа. В труппах Ноймайера и Бежара — диктат хореографа. Думаю, это не так уж и плохо. Конечно, для этого нужно, чтобы хореограф был талантливым, а администратор порядочным.

— Как строит репертуарную политику администрация Датского Королевского балета, ведь там, сохраняя классику, продолжают создавать и современный балет?

— Классика у них, естественно, датская, не наша, и относятся они к ней с большим пиететом — новых редакций не делают. То есть балеты Бурнонвилля идут так, как шли сто лет назад, буквально. У них даже сохранился самый старый балет в мире — «Причуды Купидона» Галеотти — абсолютно гениальный балет, который не исчезал из репертуара с 1786 г.

Два последних сезона для меня стали огромным продвижением вперед, ведь раньше у меня не было возможности общаться с такими большими хореографами, как Бежар, Килиан, Матс Экк, Ноймайер. У них я смог многое почерпнуть — подробно рассказывать не буду, потому что это очень специальные технические вещи. В следующем сезоне в репертуаре добавятся постановки Роббинса, Баланчина, Питера Мартинса и Начо Дуато.

— Каких западных хореографов, по-вашему, не знают в России, чьи постановки интересно было бы увидеть нашему зрителю?

— Не хочется давать рецепты... Наверное, Начо Дуато, Мауро Бигонцетти, Мэтью Бурн, Жан Гран-Метр.

— На ваш взгляд, почему в России так мало молодых хореографов и новых постановок?

— Потому что у них нет возможности ставить! У нас ведь нет ни одной труппы, основной целью которой было бы ставить новые спектакли. Я бы с удовольствием пошел в такую труппу. Но ее нет! Все ставят одно и то же. Думаю, если бы не счастливая встреча с Ниной Ананишвили, моя балетмейстерская карьера не сдвинулась бы с мертвой точки. И еще одна причина. Надо в школе активно поощрять желающих ставить, давать им возможность постановок и вдохновлять ребят заниматься хореографией. Я себя

ми, но ничего не получилось. Зато в Москве, благодаря концертам, организуемым «Постмодерн-театром», у нас появились новые возможности.

— А каков был тогда репертуар в Киевском театре?

— Почти вся классика, включая «Баядерку» и «Сильфиду», стандартный советский набор из «Спартака», «Легенды о любви», «Золушки» и «Ромео и Джульетты», а также киевские «специалиты»: «Лесная песня», «Ольга», «Чипполино». Это было очень хорошо, пока я не перетанцевал все, что хотел, и не понял, что оставшиеся мне до пенсии 10 лет репертуар меняться не будет.

— Если я правильно вас понял, вам ближе симфоническая классика?

— В общем, да. Хотя, я с удовольствием слушаю и фолк. Не тот, что в эстрадной обработке, а натуральную народную музыку. Вообще у меня много музыки, на которую мне хотелось бы ставить. Дома большая коллекция дисков, и при любой возможности спешу ее пополнить.

— За рубежом нередко ставят балеты на суперсовременную электронную музыку. У вас не было такого искушения?

— Да, но для этого нужна какая-то очень сильная концепция. Я ведь работаю именно от музыки — все свои идеи вытаскиваю из самого музыкального произведения.

— В ваших постановках зачастую иронично обыгрываются штампы классического балета. К какому стилю вы сами относитесь к своим спектаклям?

— Это, наверное, синтез. Что же до классики — у нас всех школа классическая. Жаль только, что под классикой у нас подразумевают какую-нибудь плохо отредактированную скучную «Жизель» или что-то в этом роде.

— Рассказывают, что в одном из своих телеинтервью вы неслестно отождествили о Большом театре и якобы после этого на вас там обиделись. Это правда?

— Я говорил лишь о том, что преемство русского балета в целом сейчас упал на Западе, мы отстали. Можно обижаться, но это, к сожалению, правда. Конечно, Большой (как и Мариинский) продолжает оставаться одним из лучших театров мира. Балет Мариинского театра — эталон стиля, в котором нужно исполнять русские балеты. В Большом — яркие, одаренные танцовщики, которые берут огонь на себя... Их не нужно сравнивать, это театры с разными задачами.